

18 декабря 2015 года были подведены итоги областного конкурса стихов и прозы «Новая книга», организатором которого был Дом литераторов Кузбасса. Первые места в номинациях «Поэт», «Прозаик» и «Начинающий прозаик» соответственно заняли Ольга Хапилова, Евгения Борисова и Никита Тимошенко. У этих авторов будут изданы собственные книги в издательстве «ДЛК». Участников, занявших вторые и третьи места во всех номинациях, ожидали публикации на страницах журнала «Огни Кузбасса». Итак, знакомьтесь: лауреаты конкурса «Новая книга»!

**Ольга КОМАРОВА,
2-е место в номинации «Поэт»**

* * *

*Незванным гостем
дождь пришёл в сады, –
он разговорчив был,
и ласков, и упрям.
Он целовал кресты тепличных рам,
былых обид зализывал следы...*

*Холодных пальцев
трепет по листве –
по нежной плоти,
солнцем опалённой... –
сад отзывался, –
с женщиной влюблённой
он уличён был в сходстве
и родстве...*

*Дождь ликовал, и вторил сад,
смеясь
над страхом прежним –
зацвести не в пору.
И не было конца их разговору...
И удивительна была
меж ними связь...*

* * *

*Чёрные талии тополей
белый облапил снег...
Чёрные в белом, и вдоль аллея –
лунной тропую – след...*

*И, погружаясь в тихую грусть,
в снежно-живую муть,
знаю наверно – что не вернусь,
но продолжаю путь...*

*Тени за мной, впереди, вокруг, –
может быть, я – они...
В сложном сплетении веток и рук
память свою храним...*

*Саваном снежным... – но не жалея, –
не напророчь беды...
Чёрные в белом, и вдоль аллея
только мои следы...*

* * *

*Бывает лишь один ночной
час безмятежный, –
сон младенца...
И душно пахнет летом – в сенцах,
и петухи – на полотенцах,
и ноздреватый хлеб – печной.*

*Бывает час, – ах! – мало, мало... –
когда из городских сует
сорвёшься за город,
но нет –
назад не отмотаешь лет, –
и не тебя поκληчет мама.*

*И не твоей рукою гвоздь –
рукой сноровистой –
в заборе...
Пока тебя носило в море
житейском,
дом на косогоре –
твой дом –
уже и искривь и вкось.*

*И мальчуган – макушка-рожь,
и у сестрёнки – две косички... –
чужое детство, быт, привычки.
За час – всю жизнь переживёшь.
Проснувшись,
нервно ищешь спички...
И маму жалобно зовёшь...*

* * *

*А писем ненаписанных – тома
за ежедневным варевом сует.
И я схожу... – нет, не скажу...
Сама
свожу письмо – вечернее – на нет.*

*Не ради жалобы, а так – поговорить, –
брести сквозь день – бесцельно, не спеша;
раскручивая разговор нить,
так в руки и не взяв карандаша.*

Что напишу? – за осень – зима? –
за расстаиванием... – нет, увы, не встреча...
И писем ненаписанных – тома...
И собеседник – далеко-далече...

* * *

Забавы ради тополиный дым
гонял без устали он по дорогам пыльным.
Он был моим поверенным, посыльным,
но ветреным и просто молодым.

Дышал в лицо мне клевером и мятой,
и в жар бросало от таких забав.
А он крепчал, гоняя волны трав
по вспугнутой степи, тоской объятай.

Теперь делить уж нечего мне с ним, –
он, возмужав, порывист стал, прохладен,
до золота – листвы – ужасно жаден,
непредсказуем и необъясним.
То из озябших пальцев вырвет зонт,
а то в попутчики навяжется, играя.
Он был поверенным...
Но удержи у края
того, кому неведом горизонт.

* * *

Бросаешь в воду камушки...
Круги
расходятся и малы и велики;
то лунные серебряные блики,
то по судьбе покорные шаги...

Бросаешь в воду камушки...
Пора
ночей бессонных над строкой звенящей
прошла... Рука по вечерам всё чаще
без спиц тоскует, а не без пера...

Бросаешь в воду камушки...
Дрожит
на тёмной ряби лист осенний жалкий,
а присмотришь, и вот он – пламень жаркий.
Зачем бросаешь камушки, скажи...

**Анастасия КОНДРИНА,
2-е место в номинации
«Начинающий поэт»**

* * *

Дышится сладко, нелепо истошно.
Первый-единственный раз – живая.
Вот меня время в тоску одевает,
Вот мне дороги шлифуют подошвы.

Страшно глаза закрывать, потерплю я.
Ярко проступят под веками звезды.
Смерть – это небо в алмазах после
Самого долгого поцелуя.

* * *

Доведи себя до ума. Доведи,
Как ребенка, бережно за ладошку.
Задохнёшься на середине пути –
Посиди на дорожку.

А пойдёте – ему расскажи, как жить,
И как всё, что желается – очень важно.
И что нужно любить, не чая души.
Пусть не смеет так же.

Доведи его, он не дойдёт один.
Сбереги его там, где страшно.
Вот она, дверь, куда не войти
Одинаковым дважды.

В эту дверь ты так долго стучал, просил.
А теперь и не видно замков, но
Ты останешься перед ней без сил.
А ребёнок войдёт, за собой захлопнув.

* * *

132

Послевкусие непрочитанных книжек.
Интересно, кто из нас ближе
Друг к другу:
Летящие к югу
Или я, не взлетающая дальше пятиэтажек?
Интересно, кто из нас выше?
На случайной странице,
как всегда, есть ответ
«как жить дальше?».
И если птицы умеют через океаны даже,
То я хочу быть такой птицей.

* * *

В моём сердце играет самый дешёвый
оркестр,
Пропуская то сильную долю, то меццо-форте.
Я на собственный лад разбросала по стану
ноты

(Забавы вместо),
Чьи-то стройные партитуры переиначив.
Моё сердце звучит, как я ему предписала,
Исполняя тоску и муку дурным вокалом.
Любовь тем паче.

**Наталья МОНАСТЫРЁВА,
3-е место в номинации «Поэт»**

* * *

*Как быстро деревья меняют окраску,
Короткое время чудес –
Так луковую шелухую на Пасху
Осень покрасила лес.*

*Покроет холмы первым инеем утро,
От солнца закрою глаза –
Вот так куличи, побелённые пудрой,
Ставят на свет к образам.*

*Холодной воды зачерпну из колодца,
Шагну... и застыну на миг,
И в лужице, взявшейся первым морозцем,
Прочту Богородицы лик.*

*Хвойно-ягодные стихи
Эти дни были чудно хорошими,
Лето пятками – наутёк,
Из сапог, что давно припорожены,
До сих пор кто-то сыплет песок.*

*До сих пор ещё пахнет озером
Каждый волос плетёной сети.
И зачем я писать забросила
Хвойно-ягодные стихи?*

*Не поверите. Стало совестно.
Без меня зацветёт кипрей.
Убежать бы тропинкой по лесу
К озерцу, наловить окуней.*

*Пошептаться с красой-рябиною,
Отыскать свой тайник в камнях,
А потом развлекать былинами
Всех, кто ждёт у калитки меня.*

* * *

*Звёзды-родинки неба родного,
Светотени веков...
Проливной звездопад, а мы снова
В ночь ушли без зонтов.*

*От меня до тебя лишь три слова
В паутине лучей...
Звёзды-родинки неба родного
У меня на плече.*

* * *

*В любимом блокноте без спроса
Я часто меняю слова,
Не зная, что лист в нём – берёза,
А мой карандаш – сосна.*

*Когда-то на поле диком,
Где ветер мешает спать,
К шершавой коре земляника
Свою прижимала прядь.*

*И брёл на закат тоскливо
От жизни сбежавший аскет,
И конь его трогал гривой
Сквозь сосны процеженный свет.*

*Дышали по-чёрному печи,
Корзины искусно плелись,
И родинкой лунной отмечен
Был каждый берёзовый лист.*

*Я помню всё это, знаю,
Но снова мараю лист,
И меркнет мое сознание
За гранью, где сны сбылись.*

*Ответьте, июньские грозы!
Простят ли меня сполна
Не цветшая летом береза,
Не знавшая ветра сосна?*

133

**Ирина РОЗЕНБЕРГ,
3-е место в номинации «Поэт»**

11 января 2015 года после тяжёлой и продолжительной болезни ушла из жизни молодая талантливая поэтесса, коренная кемеровчанка Ирина Розенберг. У Ирины осталась 9-летняя дочка, которая воспитывается родителями Ирины.

* * *

*Накатив водою чистой, вешней,
Стало быть, по Божьему веленью,
У меня к тебе такая нежность –
Без отчёта и определенья!*

*Так легко, что я почти летаю! –
Это не вина, не долг, не ревность...
Ты, скорей всего, не представляешь,
Как бы заглянуть в глаза хотелось!*

*Тихо, словно кот, крадётся вечер,
И настанет ночь, и день был шумным...
Постоянно, страстно, бесконечно! –
Все мои стихи – тебе! – пишу я.*

*Ты возьми себе – из каждой строчки –
Всё мое тепло, чтоб лёд растаял...
Знаю, что нужна тебе я очень,
А потом что будет, я не знаю...*

*Но – пока что в утро ночь не канет,
Всей душой – от края и до края! –
Словно звёздный мост к тебе протянут –
Нежность у меня к тебе такая...*

* * *

*Осознания, сил, Святая Троица!
Света бы ещё на душу грешную...
Просто надо сесть и успокоиться,
Слёзы с чаем пополам не смешивать.*

*С некой, непривычной раньше, грубостью
Видятся дела под призмой новой:
Господи, какие всё же глупости –
Ревности, несчастные любви...*

*Все пути кругом покрыты пятнами
Ровных, как дробины, многоточий.
Помоги родным не потерять меня,
Потому что это больно очень.*

**Сергей АДОДИН,
2-е место в номинации «Прозаик»**

СЕМИНАРИСТ

Матушка Лидия Бородина была младше своего мужа на два года. Познакомились они случайно, как сказал бы неверующий. Но для Лиды давно уже не существовало случайностей.

Отмечали последний звонок. После официальной части в Управлении культуры решили пойти в городской сад – на аттракционы. Все были нарядно одеты: некоторые девочки красовались в настоящей школьной форме, с белыми бантами, другие просто оделись по принципу «белый верх, чёрный низ», парни носили пиджачные пары с галстуками. Весёлою гурьбой спускаясь по Советской, громко распевая то «Катюшу», то «Взвейтесь кострами», одиннадцатиклассники не могли не вызывать весёлых улыбок прохожих.

– Какие красивые! – растрогалась одна старушка.

– Красивые-красивые, а вот подрастут, так натворят делов! Тоже мне! – фыркнула её соседка, отворачиваясь.

Когда ребятам надоело распевать старые песни, они перешли на современные хиты. «Забирай меня скорей, увози за сто морей!» – разносилось по улице.

Когда они наконец достигли горсада, многие уже охрипли от шлягеров. Некоторые ребята куда-то делись по дороге. Вроде бы у Паши Костецкого намечался какой-то междусобойчик для особо посвящённых. Остальные мальчишки по дороге набрали импортного баночного пива и теперь бесились на каруселях в ещё более весёлом настроении, чем раньше. Потом они стали катать девочек на автодроме, разбившись по парам. Неподалёку от автодрома, прислонившись к неработающему фонтану, стояли двое парней чуть постарше. Несмотря на жару, они были одеты в одинаковые чёрные кители со стоячими воротничками, белыми изнутри, судя по окантовкам. Ребята пили пиво, вероятно, не самой престижной марки, за что были вознаграждены в свой адрес беззлобными насмешками от Лёши и Витали:

137

– Бросайте пить кислятину, мужики!

– Э, пейте нормальное пиво, как мы с Лёхой!

Один из парней, светленький, с битловской стрижкой, приветственно помахал им свободной рукой:

– Не бойсь, всё равно с одной бочки разливали!

У него оказался довольно-таки звучный ба-ритон. Лида окончила хоровую школу с отличием и в голосах разбиралась очень даже неплохо. Она тут же окрестила его Хворостовским. Второй был тёмненький, с короткой стрижкой. Несколько узковатые глаза делали его похожим на китайца. Разве что кожа была обычная, светлая.

– Э, стой, так вам же нельзя пиво пить! – это вмешался Толик Жмак из параллельного. – Это же грех! Бог накажет!

Раздался дружный хохот. Те двое, однако, нисколько не обиделись. Усмехнувшись, они продолжили свою беседу.

– А что такое, пацаны, в смысле? – спросил Юра, который всегда отставал от курса событий. – Не понял прикола.

– Да это же семинаристы, ну, семинария – ты что, не знаешь, что ли? – ответили ему.

– Попы, что ли?

– Да нет ещё. Учатся.

– А-а-а.

– Кто семинаристы? – это уже девочки заинтересовались.

– Пошли познакомимся, – прошипела Лариска Звягина.

– Да ты что, им же жениться нельзя, – возразила Наташка Неупокоева.

– Дура, это монахам нельзя.

– Так, мож, они монахи.

– Ага, и пиво пьют у всех на виду! Монахи с бородой, а у этих нету. У них ещё платья такие длинные должны быть.

– Блин, Волкова, пойдём скорей знакомиться, пока эти кикиморы нас не опередили! – зашептала в ухо Верка Могушкова.

Лида уже была настолько заинтригована тем, что её Хворостовский учится в духовной семинарии на священника, что решила поступить своим принципом – не знакомиться первой. К тому же, она была не одна. Да и с Веркой не страшно – та такая бойкая, что могла дыру на месте провертеть. Пожалуй, пора действовать – вон уже Лариса дёргает Неупокоеву за рукав.

– Пошли, только разговор начинай сама.

Вера отмахнулась и решительно направилась в сторону семинаристов. Лида поспешила за ней.

– Привет, мальчишки! А это правда, что вам жениться нельзя? – Верка, похоже, подслушала разговор девчонок и теперь использовала полученные знания прямо на ходу. Чёрненький смутился:

– Да нет, ну почему? Мы это...

Хворостовский положил ему руку на плечо, останавливая. И добавил с серьёзным видом:

– Нет, жениться-то нам можно, а вот замуж выходить – ну никак нельзя!

Лида, не выдержав, прыснула от смеха. Похоже, они ещё и шутить умеют. Разговор завязался легко. Выяснилось, что Хворостовского зовут Павлом, а «китайца» – Ильёй.

– Он японский самурай, – поделился секретом Павел, заговорщицки подмигивая. Лида была уверена, что он подмигнул именно ей, а не Верке.

– Сам ты самурай! Не слушайте его, девчонки. Он самый настоящий наркоман. Обкурился камыша, в башке ни шиша. У меня дед кореец.

– Кто-кто? Индеец? – развеселился Павел. – Нет, ну где правда? Индейский шаман в городе,

куда смотрит миграционная служба? Дай бубен, Косой Глаз!

– Только в бубен могу!

Тут их внимание привлекли крики. Пока они разговаривали, к автодрому подошли восемь мальчишек не из их школы. Они уже успели отбиться от своих одноклассниц и, судя по поведению, тоже были навеселе. Но, похоже, пивом дело не обошлось. Видимо, они не поделили с Максимом Голуновым скамейку.

– Ты чё, не понял, ботаник? Место жёстче освободил! – кричали они.

Максим все девять лет учился вместе с ними, но после перешёл к бэшкам, так как там дали гуманитарный уклон. Вэшки стали физико-математиками. А их класс был химико-биологический. К ним прибыло несколько человек, кое-кто ушёл. В одиннадцатом Голунов снова вернулся, так как у него не сложились отношения с одноклассниками. Максим являл собой типичный образец «ботаника» – нескладный отличник в неизменных очках. Он был высокого роста, худой и довольно слабый. На физкультуре Максим только злился физрука – маленького плотного дядьку с красным лицом и алкоголическими прожилками на носу. Однако, несмотря на физическую слабость, трусом Максима никто не мог назвать. В начальных классах его часто били, но никогда не добивались слёз и просьб о пощаде. Вырос Максим колючим и неуступчивым.

Вот и сейчас он не желал слезать со скамейки просто потому, что на ней захотели посидеть новоприбывшие пацаны. Те, разгорячённые таким неповиновением, а также выпитой баночной водкой, стали его оскорблять и стаскивать силой.

– Я тут сел раньше вас, почему я должен слезть? – упирался Максим, оглядываясь на своих одноклассников. Но те скромно молчали, предпочитая не вмешиваться. Ободрённые таким поворотом событий, задиры удвоили усилия, схватив его за шкуру. Максим закашлялся, но только крепче вцепился в скамейку. Тогда один из нападавших, самый низкорослый из всех, разбежался и изо всех сил пнул Максима в грудь.

Лида пронзительно закричала. Максим медленно, как во сне, стал заваливаться вбок. Тут его встретило колено другого парня, разбив очки. Из его носа хлынула кровь. Упавшего тут же стали пинать.

– Твою ять! – выдохнул Павел и, швырнув бутылку в сторону, кинулся к скамейке. Илья тут же бросился за ним.

Некоторые из нападавших озирались по сторонам и поэтому заметили движение в свою сторону. С разбега Павел пугнул одного, а атаковал совсем другого. Тот рухнул как подкошенный, получив прямой удар в подбородок. Ещё один отправился за ним, пропустив хук слева. Уже позднее, в травмпункте, он узнал, что заработал трещину в нижней челюсти. Подоспевший Илья уже воспользовался некоторым замешательством и сшиб с ног того парня, который погестаповски бил Максима коленом. Упав, тот получил хороший пинок в живот, отчего на полминуты потерял способность дышать. Потом Илья уже не везло так. В отличие от друга-боксёра, он специально никакими единоборствами не занимался. Да и опыта уличных драк не имел. Пропустив зуботычину, он замешкался и упал, потеряв сознание от удара бутылкой по голове.

Павел остался один против пятерых. Те быстро поняли, что соваться под кулак не стоит, и предприняли попытку его окружить. Этого Павел им не давал сделать. Каждый раз, когда полукольцо начинало смыкаться за его спиной, он бросался на крайнего. Тот отскакивал назад, размыкая цепь. Через минуту в ход пошли палки и камни. На испуганные крики девочек о помощи мальчишки никак не среагировали. Павлу удалось увернуться от двух камней, но третий больно попал ему в грудь, а четвёртый разбил бровь над правым глазом, отчего в голове как-то нехорошо зазвенело. Кровь тут же залила глаз, и Павел едва не получил палкой по голове. Подставив левое предплечье, он подался всем корпусом вперёд, резко двинув нападавшего правой рукой в лицо. Тот заорал – видимо, сломал нос. Остальные, подскочив, свалили его на землю и стали пинать. Павел прижал колени к груди и закрыл голову руками. Прежде чем потерять сознание, он успел почувствовать два крепких удара в бок и один по уху.

Очнулся он, когда вокруг уже было полно омоновцев, заталкивающих в машину всех подряд. Один из них слегка похлопал Павла по щекам.

– Живой вроде. Давай его тоже в скорую.

Дышать было больно, правый глаз не видел, тошнило, всё тело болело, как будто его пинали ногами. Ах да, его ведь и вправду пинали...

Лида с Верой сразу вызвались свидетелями. С ними в отделение милиции отправились ещё

Лена Жданюк и Оля Сникер – те из немногих, кто относился к Максиму хорошо. Они подробно всё рассказали, расписались. Их мальчишек сразу же отпустили, как только выяснили, что те в драке участия не принимали. Максима, Павла и одного из нападавших увезли в больницу. Илья пришёл в сознание ещё до приезда милиции, кости черепа у него оказались крепкие, но он не смог прийти на помощь другу – некоторое время ноги просто отказывались его держать. Ещё двое отделались лёгким сотрясением мозга и синяками. Одному из нападавших, тому, кто ударил Максима ногой в грудь, удалось сбежать. Он первый заметил приближение милицейских машин и кинулся наутёк через кусты в сторону стадиона, пока его друзья были ещё увлечены расправой над Павлом. Те заметили омоновцев слишком поздно. Один из них сразу улёгся на траву, положив руки на голову. Хоть это и выглядело смешно, он всё же стал единственным, кто вообще никак не пострадал. Двум беглецам крепко досталось резиновыми дубинками – бегать омоновцы не любили.

Выяснив дома по телефону 03, какая больница дежурная, Лида на следующий день отправилась навестить Максима и своего героя.

Максим пребывал в ещё более скверном настроении, чем обычно. Он и так никого не любил, а тут и вовсе взъелся на весь мир. У него были сломаны два ребра и переносица, из-за чего парень теперь имел сходство с очковым медведем – гипсовая повязка закрывала только нос и лоб, и чёрные круги вокруг глаз отчётливо виднелись. Весть о том, что за него заступились два семинариста, которым тоже досталось, Максим воспринял совершенно равнодушно.

– А я не просил ничьей помощи! Благодетели нашлись. Да они просто перед вами выделялись. Вот и получили. Такие же ничтожества, как и все остальные.

Лида ушла от него опечаленная.

– О, э-э, здравствуй, Лида! – произнёс ошеломлённый Павел, пытаясь привстать на постели. Он покосился на спящего соседа (остальные койки пустовали). – Как там тот парень?

– Да всё нормально, жить будет, – ей очень не хотелось, чтобы Павел узнал, какая всё-таки свинья этот Голунов. – Как ты сам себя чувствуешь?

Вопрос оказался явно риторическим – вид у героя был тот ещё: левое ухо распухло, правый

глаз заплыл, бровь, вся зелёная, защита, грудь перебинтована, руки – тоже.

– Да ничего страшного, просто койко-место занимаю. Сильно напугалась тогда?

– Просто кошмар какой-то: сначала я испугалась, что они убьют Максима, потом они ударили Илью бутылкой, а потом напугалась за тебя, когда ты упал. Билетёрша позвонила в милицию. Слава Богу, что они приехали так быстро, обычно не дождёшься...

Лида осеклась и смутилась: Павел как-то странно на неё смотрел, задумчиво, словно не слышал.

– Сегодня приходил следователь. Организовывает мировую. Дескать, повреждения средней тяжести, встречные заявления и всё такое. Илья приходил. Говорит, что в семинарии, когда узнали обо всём этом, решили нас отчислить. Мол, пьяная драка, привод в милицию будущим священнослужителям не к лицу и прочее. Илюха завтра домой едет, а я – как выпишусь... А ты завтра придёшь?

Лида опешила:

– А как же так? Вы же защищали человека от пьяных хулиганов. Да его эти... уроды... запросто убить могли. Да вы ему жизнь спасли, разве не этому Христос учил? Я тоже Евангелие читала, помню, что там написано. Да как они могли?

Павел молчал, опустив глаза.

Немного помедлив, она добавила:

– А ты, значит, не здесь живёшь и скоро уедешь... А где, в каком городе? – не дожидаясь ответа, девушка вскочила со стула, на краешке которого сидела. Сосед по палате заворочался и начал сквозь зубы материться.

– Я завтра приду! – перебила она Павла, покраснев, и умчалась, забыв вручить больному пакет с апельсинами.

Целый вечер Лида была сама не своя. На вопросы отвечала невпопад, за ужином пыталась насыпать сахар в молочник. Родители, будучи уже в курсе событий, оценивали их каждый по-своему. Отец слегка подпил и всецело пребывал на стороне Паши и Ильи, считая, что мальчишки поступили достойно. Он даже поинтересовался Пашиным состоянием здоровья и дал денег на передачку.

– На, купи ему соку там или ещё чего-нибудь. Хороший пацан, молодец. Привет ему от меня. Так и скажи, мол, батя передаёт привет. А я Осипова лично попрошу, чтобы отнеслись к нему в больнице как надо. Мне не откажет. А как там

этот ваш Головнов? У него, кажется, чисто случайно травматический пневмоторакс не случился – дежурный говорил.

– Голунов.

Лида пересказала содержание разговора с Максимом. Отец поставил рюмку на место, помрачнел и издал досадливый звук. Скривился.

– Не Голунов он, а Го... – тут отец поймал строгий взгляд жены и осёкся.

– Гольюнов он, ваш Максим. Сказал бы, что мало ему дали, да вроде по полной отхватил, – он ещё хотел что-то добавить, но вместо этого хлопнул залпом рюмку финской водки, поставил её на скатерть и закусил солёным белым груздём.

Мама много не распространялась, но по её реакции Лида поняла, что большой разницы между теми хулиганями и семинаристами она не видела. К тому же, молодые люди, поступившие в духовную семинарию, вызывали у неё большие подозрения. В храм она никогда не ходила, считая верующих, как минимум, инопланетянами, а самих служителей Церкви – хитрыми аферистами. «Набивают брюхо себе за счёт дураков», – говорила она. А свекровку всегда осуждала за то, что та под старость лет не только стала ездить в Петропавловский собор молиться, но и Лиду таскала с собой. А сейчас мама сильно переживала из-за знакомства старшей дочери с этими людьми. Характер у Лиды был романтический, и теперь стоило бояться, что молодая девчонка влюбится в этого проходимца. Тем более что тот сейчас находился в положении пострадавшего героя.

Увидев, что Миля, младшая дочка, наелась и уже балуется с чаем, отпивая его, а потом выпущкая обратно в чашку, мама отправила её умываться и повторять заданного в музыкальной школе «Барсука». Миля скорчила недовольную рожицу, но перечить матери не решилась. Уже выходя из-за стола, она тайком показала Лиде язык. Та либо не заметила, либо просто никак не отреагировала. Миля оскорбилась и, проходя мимо, наступила сестре на ногу. С тем же результатом.

Всю ночь Лида проворочалась в постели. Первую половину ночи её просто распирало от желаний, как минимум, подпалить всю семинарию. Она уже представляла себе, как бородатые преподаватели в чёрных мантиях во главе с ректором (или кто там у них главный?) лезут в окна, спасаясь от огня. Внутри рос протест. Девушка

никак не могла взять в толк, что человека, исполнившего Божью заповедь истинной любви, как раз за это Церковь и наказала. Лида вспомнила, как в детстве ходила с бабушкой (пока та не умерла) в воскресную школу. Там батюшка однажды пересказывал притчу о том, как на одного человека напали разбойники. Мимо прошёл священник, торопясь на службу: посмотрел и ничем не помог, а простой человек, который ни у кого не пользовался уважением и любовью, не только оказал ему первую помощь, но и потом в беде не оставил. Добрый Самарянин. Да они там просто – вертеп разбойников! Будь её воля, всех бы поразогнала!

Оставшуюся часть ночи Лида прислушивалась к своим чувствам. Да, так и есть. Она влюбилась в Пашу. Как горько, что он теперь уедет! Будь у неё Веркин темперамент, она легко заставила бы Пашу влюбиться в себя. Или сама могла признаться первой. Верку вообще трудно чем-либо смутить. Но Лида была стеснительной. И сейчас она кляла себя за это. В сказки о толпах прекрасных принцев, разъезжающих по горам и долам в поисках принцесс, она никогда не верила. Вокруг сплошь одни только самовлюблённые, никогда не взрослеющие дураки, крепко держащиеся за мамины юбки. Все нормальные парни давным-давно заняты более успешными девушками. Лида довольно часто влюблялась раньше, но очень быстро разочаровывалась в очередном избраннике. И теперь она долго ворочалась под покрывалом, мучая себя вопросом: а вдруг это тоже всего лишь глупая влюблённость? Уже под утро Лида решительно отказалась терзать себя вопросами.

– Всё ему сегодня скажу! – пробормотала она, засыпая. – Вот и узнаю, как он ко мне относится. А если это ошибка – ну и пусть катится в свой Белогорск... Белозёрск... Белорецк или как он там...

Когда Лида проснулась, от прежней решительности не осталась и следа. Кое-как позавтракав, она отправилась на занятия.

На физике Фролов с Костецким опять хихикали весь урок и скоморошили над Ириной Александровной. Прервались на объяснения об отсутствующем на уроке Голунове. Кстати, к чести Костецкого, тот, когда ему пересказали инцидент, возмутился:

– Я в шоке! Да как так, никто не встал за Максимку! Да вы мужики или кто?

– Я горжусь вами, братья! Своя шкура ближе к телу! Всё правильно сделали! – поддержал его Фролов. Мальчишки тогда чуть не подрались из-за этого.

Больше в тот день в средней общеобразовательной школе № 19 ничего интересного не произошло. Хотя нет. На уроке литературы Миша Фролов снова довёл пожилую учительницу до белого каления, заявив на опросе, что у Горького он читал «Буревестника». И это вместо заданных «На дне», «Мать» и многого другого. У них была вражда с десятого класса. В начале учебного года сменился преподаватель. Новая учительница Вера Константиновна имела неосторожность озвучить своё мнение, что ученики никогда не смогут преодолеть барьера «Курочки Рябы» и «Теремка». Все промолчали, решив не спорить, кроме, разумеется, Миши. Тот возмутился:

– Простите, а почему это Вы так думаете, ведь Вы ещё не знакомы ни с кем из нашего класса, а уже такие высказывания!

– А что, разве не так? Ну, скажи нам, каких авторов ты читаешь? – ласково улыбнувшись, ответила Вера Константиновна. – А мы послушаем.

138

– Почему мы? Мои одноклассники давно в курсе, – парировал Фролов и огласил довольно солидный список писателей, из которых Лида читала только Акутагаву, Хемингуэя и Маркеса. В тот момент всех охватила большая гордость за Мишу и вообще за весь класс, так как учительница, слушая его, медленно бледнела, поджав губы. С той минуты они стали вежливыми врагами. Их стычки забавляли всех.

Когда наконец кончился последний урок, Лида в потоке класса устремилась вниз по лестнице к выходу из школы, обдумывая предстоящий разговор с Пашей.

Спустившись на первый этаж, увидела, что возле расписания собралась небольшая толпа.

Восьмиклассники обступили кого-то плотным кольцом и галдели, выкрикивая угрозы. Паша Костецкий тут же взял курс на толпу и резко вклинился в нее. Фролов, оторвавшись от хихикающей Альбины Паньшиной, которой он что-то шептал на ухо, моментально рванул за другом. Альбина тут же надулась.

– Пшли вон, салаги, – беззлобно ругался Костецкий, бесцеремонно расталкивая всех вокруг.

– Цыц, муха! – отрезал Фролов, надвинув на глаза бейсболку запротестовавшему было восьмикласснику.

– Да это же тот поп, который за Голунова впрягался! – послышалось справа над ухом. Это воскликнул Юрка Снытко, который ростом превосходил всех в школе.

Лида вздрогнула и устремила к толпе, но пробиться к расписанию ей уже не удалось.

– Да тихо, я сказал! – рявкнул Паша на толпу. Мальчишки предпочли успокоиться.

– Слышь, мужик, а ты кто вообще? – Лида теперь могла только слышать. Даже встав на цыпочки, она ничего не видела из-за рослых восьмиклассников.

– Человек, – это был голос её Паши. Но как он мог быть здесь, ведь он должен был быть в больнице, да и номера школы она ему не говорила!

– Сам вижу. А чего за демонстрация тут?

– Спроси вон у них, я сюда не ссориться пришёл.

– Жека, иди сюда. Докладывай! – Костецкий обращался к здоровому мальчишке – тот был у всех восьмиклассников кем-то вроде главаря.

– А чё он наехал на Лёху?

– Враньё, – Пашин голос был спокойным и уверенным.

Тут Снытко, которому надоело стоять сзади, стал проталкиваться сквозь толпу. Лида воспользовалась моментом и, ухватившись обеими руками за его олимпийку, нырнула за ним.

– Паша! – воскликнула она, увидев своего героя. На восклицание обернулся и Костецкий.

– Чего? – спросил он, но, увидев, что она смотрит вовсе не на него, обернулся к собеседнику.

– А ты что, к Лиде, что ли, пришёл? Так бы и сказал сразу, а то мы чуть тебя не прессанули.

– Всё, цирк окончен, давайте быстро по горшкам и спать! – эти слова Костецкий адресовал уже восьмиклассникам. Те связываться не стали, так как Пашка, который однозначно был у всех в авторитете, имел к тому же тяжёлую руку. Только их главарь запротестовал:

– Не, Пахан, так дела не делаются! Что за ерунда?

– Да иди давай, иди! – это Миша оттеснил его от греха подальше, так как Костецкий моментально покраснел от злости.

– Пошли, Жека, – друзья увлекли его вверх по лестнице.

– Слышь, Паш, это тот, который позавчера бился с кировскими, – доложил Костецкому Юрка.

– Опа! – Костецкий уважительно посмотрел на разукрашенного побоями Бородина, который был уже одет не в китель, а в чёрную джинсовку с надписью «Metallica». На плече у него красовалась потрёпанная спортивная сумка.

– Мужик, да ты крут! Будем знакомы, – сказал он, протягивая руку.

– Похоже, тёзки мы.

– Да, – усмехнулся Паша, – точно.

Юрка Снытко и другие мальчишки, бывшие тогда в горсаду, уже куда-то пропали. Остались девчонки и те, кто тогда отсутствовал.

– Михаил, – это тянул руку Фролов. – Весьма разочарован, что нас с Пашей тогда не было в парке, вот бы мы тем подонкам наваяли от души! А ты что, каратист?

– Не, боксёр, – покачал головой Паша.

– Круто. А разряд какой?

– Камээс.

– Слушай, Мигель, так это не мы его от молодых спасли, а как раз наоборот.

– Ага, Пабло, да он бы их просто поубивал! – обрадовался Фролов.

– Ладно, мужики, извините, я к Лиде пришёл...

139

– Да не вопрос, о чём речь? Держи краба. Только давай-ка мы с Мигелем вас проводим немножко, мало ли что, у нас тут некоторые совсем без башни. Камрад, ты не против?

– Как можно? Пошли, как раз прогуляемся до ларька на Герцена.

Костецкий и Фролов, как всегда, остря на каждом шагу, довели их до перекрёстка и распрощались.

Лида с Пашей остались вдвоём.

Какое-то время они молча шли по проспекту. Лида боялась даже голову повернуть в сторону Паши, хотя чувствовала, что время уходит. Вся её ночная решимость расставить точки над *i* бесследно испарилась. Тишину нарушил Павел:

– Лида, я сегодня уезжаю домой, последний автобус в четыре часа... в общем, ну... я хотел сказать, ты мне нравишься... очень. Можно, я тебе буду писать, ну, если ты не против, конечно, и... если ты уже не дружишь с кем-нибудь... – Павел смешался и замолчал.

Лида остановилась, резко повернулась на каблуках и, откинув со лба непослушную прядь, сказала, глядя то на Павла, то на фонарный столб с вороной на верхушке:

– Ты знаешь, Паша, а я ведь то же самое тебе хотела сказать, но не знала, как начать.

К щекам Павла прилип слабый румянец, правая рука метнулась к пластырю над глазом. Но уже через пару секунд ему удалось справиться со смущением, и он, напустив на себя неприуждённый вид, деловито изрёк:

– Ну вот, обе стороны пришли к неизбежному консенсусу. Когда будем играть свадьбу?

Лида улыбнулась и, стараясь не обращать внимания на ворону, которая уже слетела с фонаря на асфальт и теперь почему-то подбиралась к Павлу, сказала:

– Ну, если у тебя нет жены и троих детей, то осенью обязательно поженимся.

Она ещё хотела добавить, что свадебного путешествия не предвидится – ей предстоит поступать в медицинский университет, тот, что слева от них, через дорогу, но тут заметила, что ворона вплотную подобралась к ним. Павел стоял к ней спиной и не мог видеть наглуемую птицу.

– У меня пока что нет жены и детей, но я надеюсь, что это... э-э-э! – Павел от неожиданности шарахнулся в сторону, чуть не уронив сумку с плеча. Не менее напуганная ворона, чья попытка сорвать блестящую бляшку с ковбойского ботинка Павла провалилась, тоже рванула в сторону, едва не врезавшись в витую ножку скамейки. Сориентировавшись, она проскакала под скамейкой к газону, вызываясь каркнула и взлетела на аккуратную голубую ёлку, откуда продолжила своё наблюдение за Павлом.

Лида, закрыв лицо руками, заливалась смехом, глядя на эту сцену. Сообразив, что к чему, Павел и сам развеселился.

– А я-то думал, что блестящее привлекает только сорок, а тут смотри-ка...

Они смеялись, а прохожие шли мимо, иногда недоумённо оглядываясь на странную парочку – хрупкую девушку в белоснежной блузке и неформала со зловещей надписью «Kill 'Em All» во всю спину. Недостаток знания английского языка у прохожих с лихвой восполнялся недвусмысленным изображением выпавшего из чьей-то руки молота на фоне кровавого пятна. Явное несоответствие друг другу Паши и Лиды бросалось в глаза, словно делая молчаливый вызов всему миру. Да, в принципе, так оно и было – утончённая девушка из приличной семьи и воспитанный одной лишь матерью дворовый парень.

Что было у Лиды? Мама – директор Дома детства и юношества, заслуженный музыкаль-

ный работник области, папа – главный врач центральной станции скорой помощи. Счастливое детство, летние поездки на Золотые Пески, Диккенс и Чехов после вечернего семейного чаепития, хоровая школа с отличием, серебряная медаль в школе, перспективы.

А что у Павла? Мама – инвалид второй группы, которая смогла подарить сыну свою любовь и заботу, но не сумела обеспечить материально. Вместо уютного дворика с песочницей – гаражи и стройка, на которой он не раз прятался от больших пацанов ещё до того, как записался на бокс. Школа, в которой ему никак не давалась алгебра – приходилось каждый год оставаться на осень. Уличные стычки с гопниками, ножевое ранение в грудь, летняя подработка в Зелёнстрое, чтобы купить себе ботинки.

Однако сейчас всё это не имело никакого значения. Павел видел перед собой ту единственную, ради которой стоило побороться и со всем миром. Лиде же было абсолютно наплевать на всякие условности – она была готова следовать за своим избранником хоть куда. Её даже не смущало то, что она не знала о Паше почти ничего. Но, вероятно, краешком сердца она чувствовала, что за этой смущающей обывателей внешностью скрывается нежная, чуткая душа. Они смеялись, болтали о пустяках, гуляли по зелёным улицам, взявшись за руки, как дети. Каждый понимал, что их встреча просто не могла не состояться. И радость этой встречи так и не проходила. Ни в тот день, ни в последующие дни, месяцы и годы.

**Ксения ПАЛЬЯНОВА,
2-е место в номинации
«Начинающий прозаик»**

ПЕРВЫЙ СНЕГ

I

Первый снег – это всегда волшебно. Не когда утром просыпаешься, а весь двор уже укрыт белым воздушным покрывалом, а когда идёшь по улице и замечаешь, как с неба начали спускаться снежинки. Одна за другой. И вот уже осенняя серость сменилась светлой белизной. Даже как-то теплее и уютнее становится.

И именно этот момент он всегда пропускал. Хотя нет. Однажды, когда он был ещё совсем маленьким мальчиком и не приходилось сидеть на уроках, в то время как за окном происходит та-

кое волшебство, мама взяла его с собой в магазин. Да, он был мал, но уже мужчина. Он должен был помочь маме донести покупки до дома, и тогда она наградит его, приготовив любимые блинчики с малиновым вареньем. Это варенье мама тоже готовила сама из ягоды, которая росла у бабушки в деревне. Но бабушки больше не было, как и того дома, поэтому варенье расходовалось очень экономно. Доставалось из запасов только в самые лучшие дни. И мальчик мечтал, чтобы сегодняшний день оказался именно таким. Мама накупила кучу ненужных продуктов, таких, как перловая, гречневая и овсяная крупа, хлеб, с которым приходилось всё это есть, цветная капуста. С ней он любил только одно блюдо – запеканку, которую так вкусно готовила бабушка по совершенно секретному рецепту. Жаль, что бабуля не успела его передать маме, потому что у неё ни разу не получилось сделать запеканку такой же. Видимо, сегодня будет очередная попытка. «Лучше бы не трудилась над тем, что не выходит, а сделала блинчики», – с обидой думал мальчик, пока они шли домой. Уже и так было ясно, что варенья он сегодня не поест. И тут ему на нос опустилась снежинка. А потом ещё. И ещё. И не только на нос, но и на плечи, шапку, мамины волосы, дорогу, деревья. На всё кругом. Такие большие белые хлопья. Их хотелось ловить ртом. Да, возможно, этот день будет лучшим, несмотря на отсутствие любимого варенья на обеденном столе.

Через пару часов уже всё было белым. Он наблюдал за этим, сначала стоя на улице, потом его позвала домой мама оценить новый рецепт. Но он всё равно не отходил от окна. Ему нравились те изменения, которые происходили с природой. Тогда он очень хотел вырасти и стать метеорологом, чтобы знать, когда пойдёт первый снег, и быть готовым. Чтобы больше никогда не пропустить эту первую снежинку. Но до того времени было ещё слишком много лет, и сколько ещё раз он не застанет этот момент, можно было только догадываться. Единственным желанием мальчика было, чтобы так получалось как можно реже.

В комнату вошла воспитательница и громким скрипучим голосом оповестила всех, что пора вставать. Скоро начнутся уроки. У них было 30 минут, чтобы собраться: отстоять очередь в душевой, почистить зубы, надеть форму и спуститься в столовую на первом этаже. Потом их

ждал быстрый завтрак, состоящий из манной каши с комочками, куска хлеба с сыром и тёплого чая. За девять месяцев здесь он привык есть то, что не хочется, и делать то, что не нравится. Например, никак нельзя было прогулять уроки. Если ты не в классе, ты всё равно где-то в здании и тебя можно найти. Тогда ждёт наказание. Он пробовал, и его заставили помогать на кухне, и, кроме того, пришлось самому разбираться с пропущенным материалом. Поэтому лучше отсидеть шесть уроков и дальше заниматься чем угодно.

Но этот ноябрьский день тянулся особенно долго. Антонина Петровна рассказывала что-то о животных из Красной книги, но мальчик её совсем не слушал. Если честно, он давно уже знает о важности сбережения планеты и редких животных. А также об их видах и местах обитания. В детстве мама рассказывала сыну об этом и показывала картинки из толстой книги. Здесь же половине класса было совсем не интересно. Каждый занят своим делом, и учительница, не обращая на это внимания, говорила в пустоту. Поэтому он просто смотрел в окно. Дворник подметал листья, которые каждое утро откуда-то появлялись, несмотря на то, что деревья давно стояли голые. На стадионе старшие ребята играли в футбол, а за высокой оградой, которая отделяла этот дом от других, ходили люди. Каждый торопился по своим делам, кто-то уткнулся в экран телефона, кто-то просто смотрел под ноги. И никому не было дела до окружающего мира.

Из раздумий его вывел звонок, который означал окончание последнего урока. Все подорвались со своих мест, и Антонина Петровна зря старалась перекричать галдящий класс. В конце концов, все домашние задания есть у воспитателя, которая придёт в комнату чуть позже и напишет их на доске. Так что оправдание: «Я не знал» – не сработает здесь.

У мальчика был друг. Он учился на класс старше и был полной противоположностью.

– Послушай, мне кажется, Нового года не будет, – доверительно прошептал его друг, когда они встретились после уроков. – Сам подумай, уже конец ноября, а снега не было. Какой же Новый год без снега? Ни горок, ни снеговиков, ни тоннелей... Куда мы будем втыкать петарды? – всё больше сокрушался Рома.

Так звали этого мальчика. Он с рождения жил в этом доме, и никто его не хотел забирать с

собой. Люди приходили, уходили вместе с другими детьми, а он оставался. Не было ни одного ребёнка, который находился здесь столько, сколько он. Наверное, поэтому младшие считали его своим лидером. Старшие же просто его не трогали.

Рома любил говорить. Он мог часами рассуждать о чём-либо, и неважно, поддерживают ли с ним беседу. Часто они сидели в игровой комнате, Рома рассказывал какие-то небылицы, а Паша занимался своими делами. Это могло продолжаться бесконечно, и ни разу Паша не пожаловался на надоедливого паренька. Видимо, поэтому они подружились.

– Сегодня, кстати, за письмами придут. Знаешь, что я написал? Хочешь, прочту? – по взгляду мальчика было видно, как сильно он жаждет поделиться этим с Пашей. И тот согласился. – «Привет, Дед Мороз, – начал Рома. – Я пишу тебе каждый год, но ты почему-то даришь мне совсем не то, что я прошу. Возможно, я недостаточно хорошо себя вёл всё это время, поэтому ты не выполняешь желания на все сто, но знай, в этом году я отличился! Я выполняю домашние задания и не получил ещё ни одной двойки...»

– Но ведь...

– Т-с-с! Те три не считаются!

– Их было больше, – уточнил Паша.

– Неважно! Ты слушаешь или нет? Так... «Ни одной двойки. Ещё я всегда заправлял за собой кровать, тщательно чистил зубы, доедал по утрам кашу и не грубил старшим, – последнюю фразу он выделил, грозно посмотрев на друга, чтобы тот не перебил его снова. – В общем, в этот раз у меня куча заслуг, поэтому я достоин получить ту машину на радиоуправлении, которую я прошу уже второй год!» Конец. Как думаешь, он не узнает о том, что я немного приврал?»

– Деда Мороза не существует, – вместо этого ответил Паша.

– Глупости, с чего ты взял?

– В прошлом году я попросил у него съездить с мамой на море, а вместо этого оказался здесь.

– Ну так, может, он исполнит это в другой раз?

– Нет, мама не сможет больше никуда поехать со мной! – начал злиться мальчик.

– С другой мамой...

– Я просил со своей!

– А ты уточнил это в письме?

Паша посмотрел на Рому взглядом, полным недоумения. Как он мог так спокойно рассуждать

об этом? Как он мог подумать, что Паше всё равно, с кем отправиться на море? Ему нужна была только его мама. Никогда ещё мальчик не был так зол на своего друга. Прошло уже больше полугода, как мальчик оказался здесь, но ему до сих пор иногда снился тот день, который всё изменил. Правда, сейчас он уже научился реагировать на кошмары менее эмоционально. И даже иногда радовался им, потому что только так он мог встретиться с мамой. Он очень скучал. И если бы существовала возможность исполнить только одно желание, то он бы загадал вернуть её.

Паша не стал больше спорить, а просто собрал свои тетради, в которых он собирался делать домашние задания, и вышел из комнаты.

II

На улице было довольно зябко, но мальчик сидел на скамье. Это продолжалось уже больше часа, и он не собирался уходить. Ему нравилось наблюдать за другими людьми. Со своего места Паша мог видеть почти все окна дома, большую часть двора и улицу за оградой. А сам он будто находился в вакууме. Было очень спокойно, и шум доходил как сквозь вату. Поэтому, когда Ирина Викторовна коснулась его плеча, мальчик вздрогнул.

172

– Павел, ты единственный не отдал письмо, – она всегда обращалась к мальчику полным именем. И он не понимал, то ли это для того, чтобы сохранить дистанцию, то ли потому, что считала Пашу взрослее его сверстников.

– Даже если бы Дед Мороз существовал, он бы не смог исполнить мою просьбу, – снова говорить об этом ему не хотелось. Кроме того, они с Ромой до сих пор были в ссоре. Но идти первым на примирение Паша не собирался. Рома должен понять, что был не прав и слишком жесток в своих словах.

– Почему же? – поинтересовалась воспитательница, но мальчик предпочёл не отвечать. Тогда она села с ним рядом и заговорила. – Когда я была маленькая, мой дедушка рассказал мне один секрет, хочешь узнать? – мальчик продолжал молча смотреть вперёд. – Во время первого снега нужно поймать снежинку и успеть загадать желание до того, как она растает. И если получится, то оно обязательно исполнится до следующего первого снега. Если не веришь, что Деду Морозу под силу исполнить твоё желание на Новый год, то ты ещё можешь успеть загадать на первый снег.

Это показалось мальчику абсурдом. Сколько люди могут придумать разных примет, только чтобы оставить себе надежду на то, что их мечты могут исполниться. Падающая звезда, счастливый билетик, выпавшая ресничка. Так много способов, и все продолжают ими пользоваться, хотя утверждать, что они действенны, никто не может.

– Ну что ж, не сиди долго – простудишься, – сказала Ирина Викторовна и зашла в дом.

Когда Пашу привели в этот дом, был март. Мальчика проводили в его новую комнату, в которой уже жили девять детей. Воспитательница показала, где он будет спать, представила остальным ребятам и ушла. Они окружили Пашу и начали задавать вопросы, осматривать со всех сторон и трогать. Наверное, тут не часто появлялись новенькие. Такое внимание испугало Пашу, и он сбежал от своих новых друзей. Мальчик спрятался в комнате, где стоял инвентарь для уборки. Там было темно, и он думал, что никому не придёт в голову прийти сюда. Поэтому, впервые с того дня, он дал волю эмоциям. Паша заплакал. Всё накопившееся за эти бесконечные часы ожидания, пока решалась его судьба, выплеснулось сейчас. Он не понимал, что происходит, но знал точно, что больше никогда не увидит свою маму. Женщина, которая привела его сюда, сказала, что она умерла. Да и Паша сам всё видел, но не хотел верить, что теперь остался один. Он всё прокручивал воспоминания того момента раз за разом, и слёзы только усиливались.

– Вообще-то я тебя сюда не звал, – услышал мальчик голос. – Я ждал, когда ты прекратишь реветь, но ты, похоже, не собираешься этого делать.

– Прости, – только и смог выдавить Паша.

– Ладно, можешь побыть тут ещё немного. Я, кстати, не видел тебя ни разу. Ты новенький?

– Я сегодня приехал.

– Я знаю здесь всех. Кажется, будто живу тут всю свою жизнь, – улыбнулся его собеседник. – Меня Рома зовут. Если к тебе будут приставать здешние, то можешь жаловаться мне. Но не ной только, это же по-девчачьи. Они живут в другом крыле, и если продолжишь, то тебя переселят, и тогда тебе придётся играть с ними в куклы и заплетать косички. Хотя волосы у тебя короткие, но ведь они отрастут. А пока на их потренируешься. Был я там однажды, ничего интересно-

го, – казалось, потоку его слов не было конца. Он всё говорил и говорил. Паша считал всё это чепухой, но стоило отметить, мальчик уже не плакал.

Дверь распахнулась, и в проёме появилась фигура какой-то женщины.

– Вот ты где! Я же просила не прятаться здесь больше! – ругалась женщина на Рому. – Вижу, вы уже познакомились. А теперь марш на обед, руки помыть не забудьте.

Так Паша познакомился со своим единственным здесь другом. Из-за него они постоянно попадали в какие-то передряги, их постоянно отчитывали, но мальчик был даже рад. С Ромой пребывание в этом доме было гораздо веселее.

– Опять эта рисовая каша, – скривился Рома, поставив свою тарелку рядом с тарелкой Паша. – Терпеть её не могу, неужели нельзя кормить чем-нибудь нормальным?

Сказать, что мальчик был удивлён, увидев своего друга, это ничего не сказать. Мало того, что они ни разу за неделю не пересеклись в доме, так ещё тот как ни в чём не бывало начинает жаловаться на еду. Впрочем, Паша уже не обижался на Рому. Он скучал по нему, поэтому очень обрадовался, когда тот сел рядом.

113 – Где ты был? – задал мальчик мучающий его вопрос.

– Болел, – ответил друг, уплетая за обе щёки ненавистную кашу. – Кстати, мне сегодня приснился такой странный сон. Уже зима была, снегу по колено, и ветер такой сильный-сильный. Иду я по лесу и встречаю тебя. Ты, кстати, почему-то был в летней одежде и совсем не мёрз. В общем, я спрашиваю, что ты тут делаешь, а ты молча смотришь на меня. У меня аж мороз по коже прошёл, учитывая, что и без того было холодно. Стоишь ты и смотришь мне прямо в глаза, и тут шум такой раздался, я оборачиваюсь туда, откуда пришёл, а там нет никого, только звук этот. Поворачиваюсь к тебе – тебя тоже нет. Знаешь, как я перепугался?

Но Паша уже перестал его слушать, потому что за окном он увидел снег. Первые снежинки медленно кружились по воздуху, опускались на промёрзлую землю и тут же таяли. Он подскочил с места и что было сил рванул к выходу, только успевая оглянуть других детей. В спину ему кричали воспитатели что-то о том, чтобы не носился по коридорам и куда он вообще направился во время завтрака. Охраннику почти удалось его

задержать, схватив за рукав, но мальчик вывернулся и выбежал на улицу в чем был. Он подставил лицо небу, открыл ладони и приготовился ловить снежинки, прокручивая желание у себя в голове как заклинание. И вот наконец одна опустилась ему на руку. Он зажмурил глаза и скороговоркой выпалил, что так желал:

– Хочу снова быть с мамой! – открыл глаза, чтобы посмотреть, успел ли. Не растаяла ли снежинка раньше? И его счастью не было предела, потому что она всё ещё лежала на его ладонке. Он улыбнулся. Теперь, если верить Ирине Викторовне, желание сбудется до следующей зимы. Паша так бы и продолжал стоять на улице, не замечая холода, но за ним вышла Татьяна Олеговна. Она схватила и больно сжала его ухо своими крючковатыми пальцами.

– Паша! – казалось, от возмущения у женщины дым пойдёт из ушей. – Куда ты выскочил в такой мороз без куртки и шапки?! Заболеть хочешь? И кто бросает свою тарелку с недоеденной кашей на столе? Непослушный мальчишка! Марш убирать за собой! – она буквально втащила его за ухо снова в столовую.

Рома всё ещё сидел за столом, в его тарелке еды не убавилось. Он встретил мальчика очень внимательным взглядом.

– Куда ты так сорвался? – шепотом поинтересовался мальчик.

– Желание! – продолжал источать радость Паша. – Я успел загадать желание!

Теперь дни мальчика пролетали незаметно. Ожидание какого-то чуда окрыляло. Уроки становились проще, делались быстрее, еда казалась вкуснее, погода приятнее, а настроение было на высоте. Многие заметили эту перемену в ребёнке. Паша больше не хмурился и не уходил в себя, охотнее разговаривал с другими детьми и даже с учителями и воспитателями. Надежда на исполнение желания сделала его больше похожим на мальчика восьми лет. Пусть чудо произойдёт не на Новый год, как обычно люди привыкли считать, а в течение года, он всё равно был уверен, что это случится.

– А вы знали, что в подвале есть комната, в которую никто не заходит? – все дети дружно покачали головами. – А знаете почему? – ответ мальчиков был такой же. В комнате Паши собралось, по меньшей мере, тринадцать детей. В основном те, кто жили тут же, но были и из других комнат. Как, например, Рома, который и расска-

зывал им историю. Они занавесили окна покрывалами с кровати, выключили свет и оставили гореть только фонарик. – Говорят, в той комнате наказывали непослушных детей. Было это давным-давно, когда здание только построили. И вот однажды сюда привели двойняшек: мальчика и девочку. Они были примерно нашего возраста. К счастью для девочки, через неделю ее забрали в другую семью, а мальчик остался здесь, хотя тогдашний директор очень упрашивал забрать их вместе. Дети были очень дружны. Но новые родители были непреклонны и своего решения не изменили. С тех пор всё пошло не так. Говорят, он каждый день дрался с остальными детьми и грубил воспитателям. Его будто подменили: лёг спать одним, а проснулся уже другим. Многие подмечали, что даже цвет глаз стал не такой, как раньше, – дети ёжились, за окном бушевала вьюга, окна дрожали от порывов ветра. – И однажды, чтобы как-то усмирить мальчика, воспитатели придумали, что будут его запирают в той комнате в подвале. После очередной драки они отвели его туда. Там не было света и окон, только матрас и ведро в углу комнаты. Для начала они закрыли его там на сутки. Как бы мальчик ни кричал, наверху ничего не было слышно. Когда его выпустили, голос был хриплым, волосы – взъерошенными, будто он и там умудрился с кем-то подраться. Но это не остановило его. Через неделю мальчика снова заперли, на этот раз на три дня. Через день одной молоденькой воспитательнице стало его жалко, и она вызвалась отнести ему обед, чтобы поговорить с мальчиком, попытаться убедить не драться больше с ребятами. Она спустилась в подвал и услышала душераздирающие вопли, доносившиеся из комнаты. Мальчик кричал: «Уходи! Уходи!». Сначала она подумала, что это он ей. Но потом ребёнок замолчал... – и все в комнате замерли, даже дыхание затаили, а Рома продолжал почти шепотом. – Она подошла к двери и прислушалась. За ней были всхлипы: «Я не пойду с тобой. Я не хочу. Уходи». Она достала ключ, чтобы открыть дверь, но выронила его из рук, потому что такого громкого крика она ещё никогда не слышала. Воспитательница бросилась скорее открывать дверь, но не могла попасть в замок, так тряслись ее руки. И когда ей это удалось, она увидела мальчика, лежащего на полу без сознания. Он был мёртв, – в комнате стояла полнейшая тишина. – С тех пор ту дверь не открывают. Хотя я один раз спустился вниз и, когда

177

подошел к двери, услышал за ней шаги и повторяющееся «Уходи».

– А откуда ты это всё знаешь? – спросил один особо недоверчивый мальчик.

– Так эта молоденькая воспитка до сих пор тут работает.

– Да? И кто же?

– Видели женщину, которая ходит в платке?

Говорят, она поседела в тот день.

– Надежда Анатольевна, что ли? Хочешь сказать, она тебе рассказала эту историю?

– Конечно! А кто же ещё? Других свидетелей не было. Остальные уже на пенсии или давно уволились.

– Не верю, что она могла тебе это рассказать.

– Да что... – но не успел мальчик закончить, как в комнату вошла Ирина Викторовна.

– Так, что вы тут устроили? Марш по кроватям! А ты, Рома, пойдёшь со мной. Чтобы, когда я вернусь, все уже спали. И снимите покрывала с окон.

III

Мальчики ждали начала репетиций концерта к Новому году. У Паши было очень важное задание в постановке: выключить свет, когда придёт время. И чтобы он точно запомнил, когда именно это время наступит, ему следовало присутствовать на всех репетициях. На самом деле Паша давно запомнил, после каких слов надо выключить, а после каких – включить. Он уже весь спектакль мог наизусть рассказать, но воспитательницы всё равно продолжали настаивать, чтобы он приходил.

Сегодня вместе с ним пришёл Рома. Сначала он честно наблюдал за происходящим, но вскоре ему наскучило, и он всячески пытался себя хоть чем-то занять. В конце концов Павел сжалился над другом и решил начать разговор:

– А расскажи про своих родителей? – Паша никогда не задавал такие вопросы другим детям в Доме, но ему задал. Рому он считал, пожалуй, своим единственным другом здесь, поэтому хотел узнать о нём больше.

– Ну... – задумался мальчик. – Папа у меня работает на вахте. Знаешь, что такое? Это когда он на работе несколько месяцев, потом приезжает ненадолго и снова уезжает. Мама – важный директор и тоже постоянно на работе. Может, лучше ты расскажешь о своей семье? – видно было, что Роме не хотелось говорить, и он по-

спешил перевести тему на Пашу. – Какой была твоя мама?

– Доброй, – сказал мальчик и замолчал.

– Доброй. И всё?

– Ещё красивой, – на самом деле Паше часто задавал эти вопросы детский психолог, к которому его водили, когда только привезли сюда.

– Когда я был маленький, очень не хотел ходить в детский сад. Однажды мы с группой пошли гулять, а я хотел пойти домой. Когда все пошли во двор, я незаметно взял ключ от нашей комнаты, который лежал на столе у воспитательницы, и тоже вышел. Дверь захлопывалась автоматически. Я думал, что если мы не сможем попасть обратно после прогулки, то всех отпустят домой. Когда пропажу заметили, я выбросил ключ в траву. Побоялся, что они обязательно узнают и будут меня искать. А потом решил покаяться и отдать им ключ, но не смог его найти. У них все равно были запасные, так что никто домой не пошёл. У тебя случалось что-то подобное?

– Хм, нет, – подумал немного Паша.

– Скучно... – подвёл итог Рома.

Но Павел так не считал. Да, может, он не делал ничего подобного, но у него было спокойное счастливое детство, и, несмотря на это, ему было не скучно. Он читал книги, ходил с мамой на выставки, концерты, в цирк. А вместо садика была бабушка, у которой всегда было много историй о Великой Отечественной войне и о своей молодости.

– Паша! Свет! – мальчик настолько погрузился в свои мысли, что пропустил момент, когда нужно было сделать на сцене темноту. И судя по строгому взгляду воспитателя, ответственного за постановку, звала она его не в первый раз. Рома же сидел на стуле рядом и хихикал над невнимательным мальчиком.

IV

Время премьеры новогоднего спектакля неизбежно приближалось. Все суетились, бегая из одной комнаты в другую, перетаскивая какой-то реквизит, сотый раз проверяя, всё ли готово. И наконец большая стрелка часов дошла до цифры шесть. Дети расселись по своим местам, в зале погас свет, и Ирина Викторовна начала историю.

Все прошло лучше, чем можно было ожидать. В конце дети встали со своих мест и хлопали артистам, которые радостно улыбались на сцене. Среди них был и Паша, его тоже позвали

175

и даже наградили шоколадкой за работу. Теперь их ждал праздничный ужин, а вручение подарков будет только завтра утром, ведь Дед Мороз приходит в ночь с 31 декабря на 1 января. Рома в ожидании этого события сразу после ужина попрощался с Пашей и ушёл. Вероятно, лёг спать пораньше. Всё для того, чтобы утро наступило как можно скорее. Мальчик тоже не стал тянуть с этим и сразу пошёл к себе в комнату. Там никого не было. Спать не хотелось, и он решил почитать книгу, которую недавно взял в библиотеке. Это был «Волшебник Изумрудного города». Он давно хотел прочитать эту книгу, но почему-то откладывал. А сейчас было самое время. Но то ли плотный ужин, то ли накопившаяся общая усталость – через сорок минут мальчик уснул.

Проснулся он глубокой ночью. В комнате уже было темно и тихо, только рядом посапывал мальчик, уже неделю страдающий насморком. Паша убрал книгу, которая покоилась на его груди, в тумбочку у кровати. Причина его пробуждения была проста: ребёнку захотелось в туалет. Но, дойдя до заветной комнаты на своём этаже, мальчик обнаружил, что она закрыта на ремонт. Казалось, мальчик проспал вечность и пропустил что-то интересное, потому что, когда он ложился спать, с туалетом всё было в порядке. Теперь ему пришлось спускаться на первый этаж. Вообще правилами запрещалось ходить по Дому в ночное время, но ситуация требовала. Так что мальчик спускался и составлял в голове диалог, который непременно произойдёт с охранником, как только тот увидит его на экранах камер слежения. Но, как ни странно, мальчик не встретил никого на всём своём пути. Он даже постоял напротив одной из камер несколько минут и помахал рукой в нее. Тишина. Не было слышно шагов, доносящихся из коридора, не было слышно причитаний охранника о дерзости мальчишки. Ничего. Возможно, тот просто уснул на дежурстве, либо решил самостоятельно отметить Новый год и потерял бдительность. Паша решил долго не размышлять на эту тему и поднялся к себе в комнату. Пока он шёл по лестнице, его не отпускало чувство тревоги, которое нагнетала абсолютная тишина вокруг. Даже звука его шагов не было слышно. Он распахнул дверь комнаты и прошёл к своей кровати, но её не было. Как не было и тумбы с книгой, и других детей, мирно спящих по соседству. Паша подумал, что спросонья зашёл не туда, поэтому двинулся обратно к

176

выходу, но и его не обнаружил. Вместо двери там теперь была стена. Он прошёл несколько шагов вправо и влево, но так ничего и не нашёл. Продолжая двигаться в одном направлении, вскоре Паша нашёл выключатель и сразу почувствовал облегчение: теперь-то он включит свет и сразу поймёт, где находится. Тихий щелчок кнопкой, и на него со всех сторон обрушилась громкая музыка. Она звучала везде, казалось, что зарождается прямо в голове у Паши. Обычно успокаивающая классика, теперь пугала его ещё больше, потому что в комнате всё ещё не было света. Тогда он снова попытался нажать на выключатель, но кнопка не поддавалась. Мальчик сел на пол и уткнулся в колени. Нужно было успокоиться, взять себя в руки. Скорее всего, он просто спит, и это всё ему снится. Паша повторил несколько раз про себя «Проснись, проснись», даже постучал маленькими кулачками себе по голове, но музыка не прекращалась. Единственное, что изменилось, когда он открыл глаза, – стало светло. Теперь он мог оглядеть комнату. Это был большой зал с высокими потолками. Такой он видел на картинке, когда был совсем маленьким. Мама обещала его свозить когда-нибудь туда, но теперь он и сам оказался тут. Один. Огромные окна во всю высоту стены с тяжёлыми гобеленовыми шторами, расшитые золотом. Расписной потолок с красивейшей люстрой, которая была больше мальчика в несколько раз. И само помещение будто увеличилось во множество раз. Теперь мальчик был точно уверен, что спит. В Доме просто не могло быть такой комнаты. Он подошёл к ближайшему окну и отодвинул шторку, но за ней была лишь непроглядная темнота, которая царилась и внутри несколько мгновений назад. Странно, но, несмотря на большое помещение, звук его шагов не отражался от стен, его вообще не было. Ничего, кроме пугающего хора и звука оркестра в голове. И даже со светом мальчику не стало спокойнее. По спине бежали мурашки, а в горле образовался ком. Он снова оглядел помещение, но двери не было. Возможно, она замаскирована под одно из окон. Паша бросился проверять каждое, и удача ему улыбнулась. Одно окно и правда было дверью из зала. Он надавил на массивную ручку, что было сил, дверь поддалась, и он оказался в цветущем саду. Какая бы погода ни была в реальности, здесь было лето. Зелёные кусты, аккуратно подстриженные, возвышались по обе стороны от мальчика, каменная дорожка. Пройдя

немного, он оказался у фонтана, от которого шли три другие дорожки в разные стороны, и тогда Паша понял: это лабиринт. Нужно найти выход, но куда он его приведёт? Снова в какую-то комнату, или ещё один сад, или что похуже? Ему нельзя заблудиться, поэтому нужно найти что-то, что можно будет оставлять по дороге, чтобы найти путь к началу или не ходить кругами. Мальчик огляделся, но кроме кустов и фонтана ничего не было. Тогда он придумал на каждом повороте ломать ветку у куста. Это будет не так заметно, но хоть какие-то знаки. Собравшись с духом, он двинулся вперёд, вглубь лабиринта. Дорога была запутанной, поворот за поворотом, и мальчик уже расцарапал все руки, ломая ветки, а конца всё не было. Здесь почему-то все звуки, наоборот, казались преувеличенными. Звук своего дыхания, биение сердца, шорох листьев, треск веток – всё это было таким громким! Блуждая около получаса по лабиринту, он ни разу не наткнулся на то место, где уже был. Каким же гигантским должен быть сад? В конце концов, мальчик устал, ему надоело бесцельно идти, и он побежал, всё равно куда, просто вперёд, не разбирая знаков. Дыхание и биение сердца заглушили все звуки. Он бежал и бежал и на очередном повороте врезался во что-то. Столкнувшись с препятствием, мальчик упал на спину. Приподнявшись, он увидел причину столкновения. Рома. Это был его друг, который так же ошарашенно глядел на Пашу. Казалось, мальчик ещё не был никогда настолько счастлив увидеть друга. Он вскочил на ноги и подбежал к Роме, который всё ещё удивленно пялился на Пашу.

– Это ты? Как ты тут оказался? – были первые слова, произнесённые Пашей в этом мире.

– А ты? – спросил его Рома.

– Я не знаю. Я зашёл в комнату, а оказался в большом зале, а потом здесь.

– Мне опять это снится. Опять странный сон, в котором есть ты. Интересно, почему в этот раз ты говоришь?

– Я думаю, что тоже сплю, но каким-то образом мы оказались во сне друг друга, – Паша присел рядом с другом. – Надо выбираться, мне этот лабиринт уже надоел. Как ты это делал раньше?

– Раньше я просто просыпался, но сейчас у меня не получается. Мне кажется, я здесь уже очень долго, а этот сад просто бесконечный, и всё одинаковое, никаких различий между кустами и камнями.

– Я, пока шёл, оставлял сломанные ветки, но так ни разу и не наткнулся на них.

– Это уж слишком затянутый страшный сон. Я хочу назад, проснуться в своей кровати! – начал паниковать Рома.

– Так, давай думать, если мы будем здесь сидеть, ничего не изменится.

Это было справедливое замечание, и мальчики двинулись дальше по дорожке. К их удивлению, выход нашёлся довольно быстро, буквально через три поворота они уткнулись в дверь. Они толкнули её.

Ребята вообще не понимали, где они находятся. Сон был чересчур реальным. Они могли чувствовать перепады температур, лёгкий ветерок, усталость. Паша даже заскучал по своей кровати в Доме. Ему не хотелось приключений, а вот Рома их любил. Но и тот был уже совсем не радостным.

Дверь, через которую они прошли, вела в зимний лес. Как только переступили порог – сразу провалились в снег до середины голени. Хорошо, что Паша уснул за чтением книги, потому что на мальчике были джинсы и футболка, в которых он был на ужине. Это, конечно, не сильно его грело, но в пижаме было бы холоднее. А Рома весь трясся от холода. Он стоял в домашних тапочках и шортах. Мальчишка обхватил себя руками, но его продолжала бить сильная дрожь.

– Нуж-ж-жно ск-к-корее выб-бираться отс-с-сюда... – у него зуб на зуб не попадал.

Но как это сделать? Лес казался необъятным. Высокие деревья, верхушки которых, казалось, уходили в облака, обступили мальчиков со всех сторон. Всё было белым, будто новая раскраска, которая ждёт, когда картинке предадут цвет. Паша подумал, что из одного лабиринта они попали в другой. Рома уже двинулся вперёд, огибая стволы деревьев один за другим. Он шёл торопясь, почти бежал. И уже потерял в сугробах один тапок. Но, похоже, его это не сильно волновало. Павел побежал вслед за другом.

– Ты хоть знаешь, куда идти? – спросил мальчик, когда догнал.

– Прямо, – уверенно ответил Рома.

– Почему ты так уверен?

– Значит, ты думаешь, лучше стоять и мёрзнуть? Если будем двигаться, в конце концов куда-нибудь придём.

Паше ничего не оставалось, кроме как промолчать и попевать за другом. Так они и шли в тишине, сопровождаемые только хрустом снега.

Паша даже успевал любоваться природой. Снег казался таким мягким и пушистым, словно белая шаль, которая была у его бабушки. В неё хотелось укутаться. Но была одна существенная разница между шалью и этим снегом. Он был холодный.

– Ты слышал? – Рома так неожиданно остановился, что Паша наткнулся на друга.

– Ай! Что?

– Тс-с-с... – прижал мальчик указательный пальчик к своим губам.

Павел прислушался, но так и не понял, о чём говорил встревоженный Рома.

– Я ничего не слы... – уж было произнёс ребёнок, но тут раздался оглушительный вой. Он не был похож на звук, издаваемый животным, скорее на сирену, которая предупреждает о надвигающейся катастрофе. И тут же лес на горизонте из белоснежного начал становиться алым.

– Бежим! – крикнул Рома, и они пустились сквозь лес, спотыкаясь о коряги и падая. Алый лес надвигался со скоростью явно большей, чем перемещались ребята.

– Скорее, скорее, скорее! – торопил Рома Пашу, когда тот очередной раз зацепился за упавшую ветку. Он никогда не был особенно спортивным, и сейчас это не играло ему на руку. – Вставай же! – крикнул друг и схватил его за руку. Но у Павла застряла нога в этой коряге. На миг мальчик подумал, что Рома мог бы бежать дальше и не пытаться освободить его, но тому, казалось, такой вариант даже в голову не пришёл. Поэтому Паша пытался выбраться с ещё большими усилиями. Красный лес был уже в паре метров от них, и, когда оставалось совсем чуть-чуть, мальчики крепко обнялись и зажмурились. Они думали, что-то страшное произойдёт, но просидев так с минуту и не почувствовав изменений, они нерешительно открыли глаза.

И зря они боялись, мальчишки оказались будто в сказке. Весь двор был заснежен и украшен огоньками, которые светили ровным золотым светом, создавая уют и праздничное настроение. Впервые Паша почувствовал, что Новый год наступил. В центре стояла избушка, маленькая, наполовину в снегу, она была похожа на пряничный домик. Именно так он должен был выглядеть зимой.

Мальчики робко поднялись на ноги, отряхнулись. Ветки, которая помешала им сбежать, уже не было, как и не было холода, пробирающего до костей. Мягкие огромные снежинки спуска-

лись с неба, устилая одним ровным слоем землю. Каждый шаг отдавался громким хрустом. Они подошли к домику и тихонько постучали. Но ответа не последовало, и мальчики решили зайти без приглашения.

– Я давно вас жду, – услышали они из кресла, которое было повернуто к камину так, что сидящего в нём нельзя было разглядеть.

– Мы не знали, что здесь кто-то есть, – поспешили оправдать свой бесцеремонный поступок ребята.

– Пустяки, я никогда не закрываю дверь. Иногда ко мне приходят очень интересные ребята, такие, как вы, например.

– Кто вы?

– О, по-разному меня называют, и я привык к тому, что все думают, будто нас несколько, – тихо усмехнулся незнакомец.

– Вас несколько? Как такое возможно?

– Люди могут поверить во что угодно. В конце концов им кажется более логичным такой вариант, нежели если бы я был один на всю планету.

– И кто вы?

Незнакомец встал с кресла и повернулся к гостям. Взору мальчишек предстал крепкий пожилой мужчина с короткой белой бородой.

– Вы?..

– Да, Дед Мороз, – ответил мужчина улыбаясь.

– Но у Деда Мороза длинная борода и шуба... и... и посох!

– Вот об этом я и говорил, – продолжал улыбаться мужчина. – Люди верят, что есть Дед Мороз, Санта-Клаус, Йоулупукки, но на самом деле всё это я.

– Но почему тогда тебя описывают иначе? – не унимались ребята.

– Потому что меня никто не видел. Всё просто. Мне помогают те, кого вы привыкли считать мной. Я же нахожусь в основании всего этого. Я раздаю команды, я решаю, кто получит свой подарок, а кто будет ждать лучших времен.

– Зачем же ты ждал нас?

– Потому что я думаю, что вы достойны исполнения ваших желаний, но то, что вы хотите, очень серьёзно и требует больших усилий. Поэтому, прежде чем даровать вам исполнение мечты, я решил проверить вас ещё раз. Чтобы снова убедиться, что моё решение правильное.

– То есть всё, что мы видели до этого: лабиринт, лес, зал без дверей – всё твоих рук дело?

– Совершенно верно, – подтвердил мужчина.

178

– Но почему я должен был это проходить снова и снова, в то время как Паше понадобился всего один раз, чтобы попасть сюда? – разозлился данной несправедливостью Рома.

– Вспомни, что ты делал раньше? Ведь в этот раз всё иначе, – ничуть не смутившись, ответил Дед Мороз. Мальчик понял, что тот имел в виду, и не стал продолжать спор. Сейчас, и правда, всё иначе. Его решения в каждой ситуации отличались от прежних. И, скорее всего, это благодаря тому, что Паша, его лучший друг, был рядом.

– Значит, ты исполнишь наши желания? – с надеждой спросил Павел.

– Ты прав. Я сделаю так, что, проснувшись утром, вы будете иметь то, чего так долго хотели.

– А мы будем помнить эту встречу?

– Конечно, нет, – снова улыбнулся мужчина. – Если бы каждый ребёнок запоминал встречу со мной, то меня давно бы раскрыли.

– Но почему ты не хочешь, чтобы тебя раскрыли?

– Довольно вопросов. Скажите-ка мне лучше, не хотите ли вы изменить свое желание? Вы точно уверены, что это то, что вам нужно? Что это сделает вас счастливыми?

– Да! – в один голос с уверенностью сказали мальчики.

– Я не сомневался. Да будет исполнено!

После этих слов всё растворилось в дымке. И этот домик, и нарядный двор, и вопросы, на которые мальчики так и не получили ответа. Всё исчезло. Они вернулись в Дом.

V

– Паша, просыпайся, опоздаешь в школу.

– Ну ещё пару минуточек... – жалобно сквозь сон протянул мальчик. Он зарылся поглубже в подушку лицом, чувствуя на себе вес тяжёлого тёплого одеяла.

– В таком случае кто-то не успеет поесть эти прекрасные блинчики, которые я приготовила специально.

Стоило ли упоминать, что не могло быть лучшей мотивации, чем эта. Сон сняло как рукой. Откинув подальше одеяло, Паша быстро натянул шерстяные носки, лежавшие подле кровати, и поспешил на кухню. Запах был божествен. Он обнял маму, поцеловал её в румяную щёчку и уселся за стол.

Он не знал, как такое возможно. Иначе, как чудо, это не назовёшь. Мальчик снова жил в сво-

ей небольшой квартирке на окраине города вместе с любящей мамой, которая будила его по утрам в школу, журила за плохие оценки и готовила вкуснейшие блюда. Единственное, что мальчик знал наверняка, это то, что отныне он будет ценить каждый момент, проведённый рядом с самым дорогим человеком на планете. Он больше не будет капризничать и обижаться по пустякам, ведь теперь мальчик знал: в любой момент этого может не стать, и ещё одного шанса не будет.

Паша смотрел и не мог налюбоваться своей красивой мамой. Он так по ней скучал! По её маленьким морщинкам в уголках глаз и седой прядке волос на виске. По тяжёлому вздоху, когда её что-то не устраивало, и лёгкой улыбке, когда ей вспоминалось что-то приятное. Мальчик был готов мыть посуду каждый день, убираться у себя в комнате и приносить домой одни пятерки, лишь бы мама была рада.

– О чём ты задумался? Ешь скорее, время идёт.

– Мам?

– М-м?

– Ма-а-ам!

– Ну что? – оторвалась от своего занятия женщина и посмотрела на сына.

– Я люблю тебя.

179

**Роман КУПРИЯНОВ,
3-е место в номинации «Прозаик»**

НАСТОЯЩАЯ СКАЗКА

(отрывок)

Глава первая

Волшебник был кот. Ничего нет удивительно в том, что волшебник не носил расписанной звёздами мантии и не сотворял пассов волшебной палочкой. Волшебник в далёкой юности (а волшебники живут долго – они никогда не помнят своего возраста) любил превращаться в разных животных. Особенно он любил превращаться в котов, хрипло мурлыкать и тереться о ноги своих друзей. Дружья в то время нередко заходили в гости к волшебнику и очень удивлялись, когда вместо добродушного и весёлого юноши встречали пёстрого кота с загадочным шкодливым взглядом.

Прошли годы, очень долгие годы, и волшебник сделался рассеянным, взбалмошным и ворчливым стариком. Собственно рассеянность и

подвела волшебника: однажды он, глубоко задумавшись, сам и не заметил, как превратился в непричесанного серого кота с табаком в косматой бороде. Волшебник почти никогда не смотрелся в зеркало, его очень удивляли люди, смотрящиеся в зеркало. «В этом глупом стекле можно увидеть только себя самого, и то наоборот», – возмущался волшебник. Однажды, когда он уже стал огромным серым котом, волшебник навестил своего друга, тоже старого волшебника. Друг, в отличие от нашего героя, зеркала обожал, поскольку считал себя неотразимым – он носил густые бакенбарды и пышные усы, и глаза его имели чистый голубой цвет. Несмотря на неотразимую внешность, волшебник-красавец всё же отражался в многочисленных зеркалах, тут и там расставленных по его квартире. Наш герой, придя к другу за старым учебником по прикладному чародейству, лишь мельком взглянул в зеркало, увидел вместо себя странного кота в обвисшей шляпе, полинялых брюках, с дымящей трубкой во рту, проворчал что-то о глупых стёклах и ничуть не задумался о странной метаморфозе в своей внешности. Разве можно серьезно относиться к зеркалам, которые вместо вас показывают толстых серых котов? А если не глядеть в зеркала, а, наоборот, заниматься прикладным чародейством, то не всё ли равно, как вы выглядите.

Впрочем, достаточно предисловий. Давно пора начинаться чудесам.

1. МАЛЬЧИК

Мальчик жил в большом доме на берегу озера. Озеро называлось Лужей. Оно и в самом деле было скорее лужей, чем озером, но любой мальчик имеет право называть лужи озёрами и озёра лужами. Детям ничто не мешает называть окружающее так, как им заблагорассудится. Только взрослые вынуждены пользоваться уже готовыми названиями, придуманными чаще всего детьми.

Однажды ранней весной, в один из первых тёплых деньков, после того как окончился бурный ливень, Мальчик гулял по берегу Лужи и усердно думал. Думал он вот что: «Если поймать тысячу мух и рассадить их по стеклянным банкам, то можно прикармливать птиц и ловить их. Птиц можно садить в клетки, обучать их говорить и доставлять почту. Можно отправить очень много писем в разные стороны света и получить в ответ ещё больше писем, и не только писем, но

и посылок с разными удивительными предметами: коробочками с потайными отделениями, длинными кусками гибкой проволоки, из которой можно сделать всё, что угодно, игрушечными очками. Игрушечные очки, – думал Мальчик, – можно использовать так: надел очки и видишь сквозь стены. А если ты видишь сквозь стены, то и проходить сквозь стены для тебя – совершенно простое дело». Конечно, такие очки не просто игрушечные, они уже волшебные, но Мальчик отлично знал, что он достоин иметь волшебные очки. С их помощью Мальчик смог бы не только удивлять своих друзей, но и попадать туда, куда мальчишек обычно не пускают. Например, в дом Генералиссимуса, который выращивал в саду большие красные яблоки и держал в кладовке настоящего динозавра, только маленького. Все соседские дети знали об этой удивительной тайне Генералиссимуса, но никто ещё не видел маленького динозавра, думал Мальчик. А он мог бы не только увидеть, но и подружиться с маленьким динозавром, если бы только кто-нибудь прислал ему волшебные очки. «Но для этого, – вздохнул мальчик, – для этого просто необходимо поймать тысячу мух...»

Здесь мысли мальчика прервались, потому что он увидел Девочку.

2. ДЕВОЧКА

Девочка была очень красивой. Она была ослепительно красивой, эта девочка, она гордо несла две свои косички, слегка задирала нос и украдкой поправляла новое белое платье. Это платье она надела впервые, как только наступил тёплый день после зимы и после начала весны, которое тоже как зима, хоть и называется весной.

Девочка подошла к Луже и в ожидании посмотрела на Мальчика.

Мальчик хотел прыгнуть в Лужу, чтобы раскрасить новое белое платье Девочки разноцветными красками. Над Лужей часто останавливались большие автомобили, из них капали тяжёлые радужные капли, поэтому Лужа славилась своим многоцветием.

Но Мальчик почему-то не стал прыгать в Лужу и вместо этого спросил:

– У тебя есть свой динозавр?

– Нет, – тонким голосом ответила Девочка, – а у тебя разве есть?

– Пока нет, – ответил Мальчик, но больше про динозавра ничего объяснять не стал. Он с

интересом смотрел на Девочку и неожиданно перестал думать. Только смотрел на Девочку и ждал.

– Ты хотел бы жить в стеклянном доме? – спросила Девочка.

– Нет, – уверенно ответил Мальчик.

– А я бы хотела. Чтобы и дом стеклянный, и мебель в нём, и посуда – всё стеклянное.

– Если на твой дом упадёт метеорит – он всё расколотит, – авторитетно заявил Мальчик.

– А если не упадёт?

Мальчик не стал отвечать. Ему понравилась идея о стеклянном доме. Эта идея чем-то походила на размышления Мальчика о волшебных очках.

– Я знаю, где живёт волшебник, – вдруг сообщила Девочка.

– Ты веришь в волшебников?

– А ты?

Оба немного помолчали. Мальчик не выдержал:

– И где он живёт?

– Кто?

– Твой волшебник.

Девочка хотела сказать что-то обидное, и тогда Мальчик, конечно, не задумываясь прыгнул бы в Лужу и окатил Девочку холодной цветной водой. Рассуждать просто так о волшебниках нельзя – Мальчик отлично знал об этом.

Но Девочка только усмехнулась и сказала:

– Пойдём.

Ничего увлекательного в их коротком путешествии к дому волшебника не было. По крайней мере, для читателей это путешествие показалось бы самым обыденным. Но Мальчик, послушно шагая за Девочкой и размышляя о всяких глупостях, о которых раньше никогда не размышлял, прогулкой был очень доволен. Ему нравилось идти за Девочкой и слушать про цветы и про еловые шишки. И сам он, удивляясь своей глупости, с улыбкой думал о цветах и еловых шишках, как будто ничего другого на свете не существовало.

Через несколько минут или несколько часов они подошли к маленькому дому волшебника, окружённому заброшенным садом. В саду росли рябиновые деревья, и ещё в саду стояла высокая густая трава, слегка пожелтевшая и напоминавшая осень.

– Мы попросимся в гости? – осторожно спросил Мальчик.

– Этот волшебник никого к себе не пускает, – объяснила Девочка. – У него в доме живёт громадный серый кот, он шипит и царапается.

– Откуда ты знаешь?

– Подружки рассказывали.

– Ерунда. – Мальчик уверенно подошёл к калитке и с трудом отворил её. Ржавые петли завалили, как десяток котов.

– Ты не боишься? – удивилась Девочка.

– У меня тоже есть кот, – важно объяснил Мальчик, – он тоже серый, громадный и кусается. – Мальчик хитро улыбнулся: – Но я не боюсь серых котов.

3. ВОЛШЕБНИК

Больше трёхсот лет никто не заходил к волшебнику. Он понуро сидел в кресле-качалке у камина, вспоминал молодость и перечитывал книги, которые давно знал наизусть. Иногда волшебник гулял по своему саду и однажды даже решил было перекинуться парой слов с соседкой – приличной на вид старушкой. Но старушка подозрительно посмотрела на волшебника, пробормотала что-то вроде «кис-кис», ушла ненадолго и вернулась с блюдечком молока, которое с глупой улыбкой поставила перед озадаченным волшебником.

Тогда волшебник обиделся и прочитал редкое заклинание. Заклинание было очень сложным, но волшебник справился блестяще: теперь в его дом никто не мог зайти. Взрослые люди вообще не замечали его маленького покосившегося жилища, а дети, на которых колдовство действует гораздо слабее, видели домик, но боялись к нему подойти.

– Здравствуйте! – прозвучал над головой волшебника звонкий голос. Волшебник медленно повернулся вместе с креслом и увидел на пороге двоих детей: мальчика с хитрым бойким взглядом и бледную девочку, от испуга закусившую нижнюю губу.

– И в самом деле кот, – весело сказал Мальчик, – ну и где твой волшебник?

Девочка ничего не ответила. Кот с косматой бородой в кресле-качалке, греющий лапы у камина, произвёл на Девочку немного странное впечатление.

– Я – волшебник, – сердито произнёс кот, – что вам нужно?

Он уже понял, что в его дом пришли непростые дети – простых остановило бы заклятье. А все волшебники знают, что непростые дети –

большая редкость. Вот и нашему волшебнику стало жутко любопытно.

– Ты не волшебник, – неуверенно сказал Мальчик, – ты кот.

– Я волшебник, – наставительно произнёс волшебник, – разница между мной и котом в том, что я – не кот.

– Но вы очень похожи на кота, – робко пропихала Девочка.

– Если тебе кажется, что я похож на кота, это ещё не значит, что я кот. Например, у табурета четыре ноги. У кота четыре ноги. Значит, табурет – это кот?

– Нет.

– Но табурет похож на кота?

– Нет. У табурета нет хвоста, – Девочка задумалась. – И табурет не кажется мне котом.

– А я кажусь?

– Да. Очень. Но... Вы разговариваете. А коты – нет.

– Ты знаешь очень мало котов, – проворчал волшебник, – и ты знаешь очень мало волшебников. Разговариваю... Вдруг тебе только кажется, что я разговариваю?

– Может быть...

– Значит, я всё-таки кот? Или табурет? – Волшебник основательно разозлился, и непонятно было, то ли он говорил, то ли как-то членораздельно мяукал.

– Скажите, – неожиданно снова заговорил Мальчик, – волшебник может превратиться в кота?

– Вне всяких сомнений. Волшебник может превратиться во всё что угодно. Если нужно.

– Выходит, вы превратились в кота. Превратитесь обратно в волшебника!

– Но я и так волшебник! Зачем мне превращаться в самого себя?

– Простите, но сейчас вы скорее... кот, – Мальчик виновато опустил глаза. Ему вовсе не хотелось обижать волшебника, даже кота-волшебника.

– Волшебник – всегда волшебник! Совершенно не важно, кот он при этом или не кот.

И Мальчику, и Девочке одновременно захотелось спорить с котом о волшебниках или с волшебником о котах. Даже если они встретили всего лишь кота, всё равно интересно было разговаривать с таким удивительным котом.

– Вы умеете творить чудеса? – напрямую спросил Мальчик.

– Я могу творить много всего разного, – всё ещё сердито ответил волшебник.

4. НАЧИНАЮТСЯ ЧУДЕСА

– А у вас есть свой домашний динозавр? – неожиданно выпалил Мальчик.

– Мне он не нужен, – ответил волшебник.

– Почему?

– Динозавры вообще никогда никому не были нужны. Поэтому они вымерли.

Ни Мальчику, ни Девочке не понравилась такая грустная трактовка истории гибели динозавров. Но они опять не стали спорить. Когда ты находишься рядом с настоящим волшебником, не стоит тратить время на споры.

– Скажите, бывают такие специальные очки... – начал было Мальчик.

– Бывают, – отрезал волшебник и вытащил из шерсти саквояж, а из саквояжа – две пары очков. Совершенно необычных очков: всё в них – и оправы, и дужки, и даже соединительные болтики – были стеклянными. Однако очки вовсе не казались такими уж хрупкими. Напротив, они выглядели так, словно прослужили много-много лет, и ничего им при этом не сделалось.

– Берите, – протянул волшебник, – завтра вернёте.

Мальчик и Девочка послушно взяли очки, но не стали их надевать. Просто стояли и вертели диковинные стеклянные предметы в руках.

– Наденете, когда захотите проникнуть, – пояснил волшебник.

– Куда проникнуть?

– Куда угодно. Когда я не был ещё никаким волшебником, а был всего лишь глупым мальчишкой, таким, как ты, – волшебник указал когтей лапой на Мальчика, – я любил отправляться в путешествие. Кто-нибудь из вас хоть однажды отправлялся в путешествие?

– Мы с мамой прошлым летом ездили в Сочи, – робко ответила Девочка.

– В Сочи! С мамой! Ха! Если ты собираешься в путешествие, нужно прежде всего забыть о Сочи и о маме.

– Я не хочу забывать о маме.

– Тогда сиди дома. Или сиди в Сочи и лопай растаявшее мороженое. Впрочем, конечно, о маме ты не забудешь. Наоборот, после путешествия ты будешь помнить о маме как никогда раньше!

И волшебник расхохотался глухим звериным смехом...